

Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем

Том 5

УДК 291
ББК 86.3
В27

В27 Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Том 5 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 380 с.

ISBN 978-5-518-04247-6

ISBN 978-5-518-04247-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

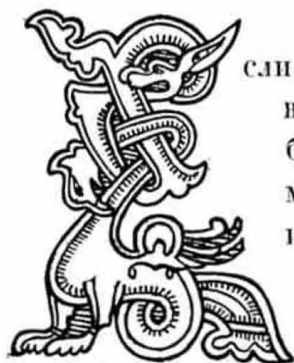
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Памятникъ Александру II въ Москвѣ.

Императоръ Александръ II.

Анад. Н. Н. Арсеньева.

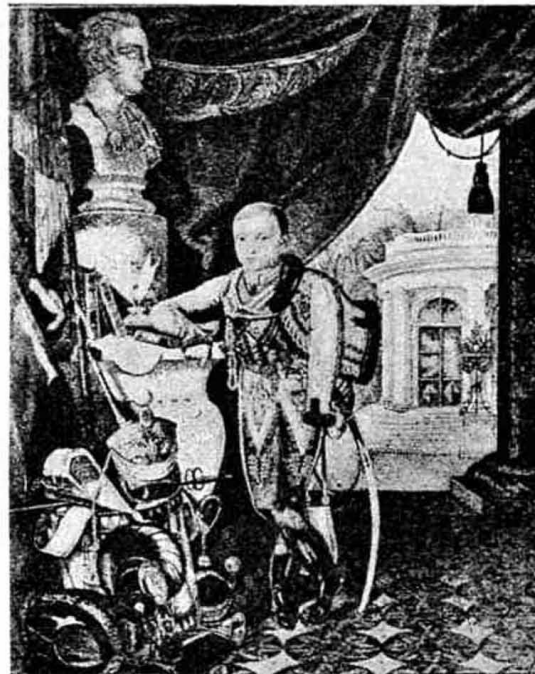
Если жизнь человека является вообще равнодѣйствующею условіи, при которыхъ онъ родился, выросъ и созрѣлъ, то больше, чѣмъ о комъ-либо другомъ, это можно сказать о монархѣ, облеченномъ неограниченною властью, въ одинъ изъ критическихъ моментовъ, надолго опредѣляющихъ судьбу народа. Такой моментъ наступилъ для Россіи въ половинѣ минувшаго вѣка. Съ перекрестка, на который поставило ее столкновение старыхъ традицій и новыхъ требованій, она должна была сдвинуться во что бы то ни стало; но на пути, ведущемъ впередъ, стояла „твердыня сплошного зла“ — крѣпостное право. Съ нимъ нужно было покончить прежде всего — а, въ силу особенностей русской дѣйствительности, это было возможно лишь при активномъ содѣйствіи государя. Многое зависѣло, такимъ образомъ, отъ личныхъ свойствъ императора, только что вступившаго на престолъ, и отъ ихъ предшествовавшаго развитія.

Дѣтство и отрочество Александра Николаевича протекло при мало благоприятной обстановкѣ. Однимъ изъ первыхъ сознательныхъ его впечатлѣній была тревога 14 декабря, когда Николай Павловичъ вынесъ его на рукахъ къ солдатамъ, окружавшимъ Зимній дворецъ. Подрастая, онъ слышалъ вокругъ

себя толки о побѣдоносныхъ войнахъ, объ опасномъ, но быстро подавленномъ возстаніи, а затѣмъ о парадахъ, ученьяхъ, разводахъ, въ которыхъ онъ вскорѣ и самъ сталъ принимать постоянное участіе. Атмосферу, насыщенную спеціально военными интересами — и притомъ военными интересами мирнаго времени, — онъ встрѣчалъ и во время поѣздокъ за границу, въ Берлинѣ, при дворѣ своего дяди. „Желалъ бы очень убѣдиться, — писалъ въ своемъ дневникѣ воспитатель цесаревича, К. К. Мердеръ, когда воспитаннику его было не болѣе одиннадцати лѣтъ, — что частыя появленія его высочества на парадахъ, видя, что изъ парада дѣлаютъ государственное дѣло, не будутъ имѣть для него дурныхъ послѣдствій. Легко можетъ прійти ему на мысль, что это дѣйствительно дѣло государственное, и онъ можетъ тому повѣрить“. Три года спустя опасенія подобнаго рода возникли даже у самого Николая Павловича: ему стало казаться, что цесаревичъ любитъ однѣ только мелочныя подробности военного дѣла и не обнаруживаетъ достаточнаго усердія къ военнымъ наукамъ: между тѣмъ, — такъ записалъ Мердеръ слова, сказанныя ему императоромъ, — наследникъ престола „долженъ быть военный въ душѣ, безъ чего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ“. Мердеръ отвѣчалъ, что онъ всѣчески старается дать понять цесаревичу невозможность путемъ парадовъ и смотровъ сдѣлаться великимъ полководцемъ; „но если Александръ Николаевичъ находитъ въ нихъ удовольствіе, то нельзя обвинять его въ томъ, потому что у насъ вообще обращаютъ болѣе вниманія на мелочи военной службы, чѣмъ на предметы истинно важныя“. Этотъ отвѣтъ, въ связи со всѣмъ извѣстнымъ о военномъ бытѣ того времени, показываетъ съ полною ясностью степень вреда, который приносили его военныя упражненія цесаревичу. Отвлекали его отъ серьезныхъ мыслей и серьезныхъ занятій и придворныя увеселенія, наполнявшія значительную часть его времени. Все кругомъ него преклонялось передъ Николаемъ Павловичемъ, все трепетало или нѣло хвалебные гимны. Во внешней политикѣ Россіи одинъ успѣхъ, но крайней мѣрѣ кажущійся, слѣдовалъ за другимъ; на внутреннее положеніе государства падалъ только скудный и невѣрный officialный свѣтъ. Все, повидимому, клонилось къ тому, чтобы сузить или извратить умственный кругозоръ отрока и юноши, ближайшаго къ престолу.

На самомъ дѣлѣ, однако, въ воспитаніи цесаревича, рядомъ съ главнымъ, господствующимъ теченіемъ — а иногда и въ разрѣзъ съ нимъ, — шло другое, мало замѣтное, но приносившее свои плоды. Неожиданно удачнымъ оказался прежде всего выборъ лица, руководившаго въ продолженіе одиннадцати лѣтъ воспитаніемъ Александра Николаевича. К. К. Мердеръ не былъ похожъ на типичнаго гвардейскаго офицера того времени; онъ скорѣе напоминалъ нѣ- которыми своими сторонами тѣхъ немногихъ военныхъ конца александровской эпохи, которые пытались поднять умственный уровень арміи и ввести болѣе гуманное обращеніе съ нижними чинами. Если ему и не удалось предо-

хранить своего питомца отъ вліяній среды, то во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ сказаннаго выше, онъ старался смягчать ихъ, сдерживать ихъ въ извѣстныхъ границахъ—и старанія эти не оставались безъ успѣха. Не менѣе счастливымъ былъ выборъ В. А. Жуковского въ наставники цесаревича. Роль его въ этомъ званіи была, до извѣстной степени, какъ бы предрѣшена словами самого поэта. Стихотвореніе, которымъ Жуковскій привѣтствовалъ рожденіе Александра Николаевича, возлагало на него обязанность, которую онъ не въ силахъ былъ исполнить всецѣло, но не въ правѣ былъ забывать—и едва ли забывалъ. Поставленный на постъ громадной важности, онъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы его питомецъ памятовалъ, на своей „высокой чредѣ“, „святѣйшее изъ званій—человѣкъ“. Неосуществимымъ, по условіямъ времени и мѣста, былъ завѣтъ, когда-то данный по-этомъ будущему государю,—завѣтъ „жить для вѣковъ въ величіи народномъ, для блага всѣхъ, свое позабывать, лишь въ голосъ отечества свободномъ съ смиреніемъ дѣла свои читать“. Только въ силу поэтической вольности можно было назвать этотъ завѣтъ „правилами царей великихъ внуку“. Ничего подобнаго предшественники Александра Николаевича ему не завѣщали, и этого не могъ не знать Жуковскій, когда приступилъ къ исполненію своихъ трудныхъ и отвѣстныхъ обязанностей; но если въ немъ не было прежняго восторга и прежней вѣры, то все же въ его душѣ звучалъ ихъ откликъ, и онъ вносилъ въ практическія свои задачи нѣкоторую долю идеализма. Чуждый угодничества и низкопоклонства, онъ говорилъ правду или по меньшей мѣрѣ часть правды и своему воспитаннику и его родителямъ. Едва ли будетъ ошибкой предположить, что пожеланія, которыми Жуковскій напутствовалъ его при рожденіи, не прошли безслѣдно для самого Александра Николаевича; о нихъ постоянно должно было ему напоминать общеніе съ его наставникомъ. Во всякомъ случаѣ одну черту своего характера — чувствительность — Жуковскій, несомнѣнно, передалъ своему питомцу. Мы узнаемъ изъ дневника Мердера, что, одиннадцати лѣтъ отъ роду, во время поѣздки въ Варшаву, Александръ Николаевичъ удивлялся бѣдности и невѣжеству крестьянъ, особенно сожалея о поражавшемъ его своей нищетой и жалкимъ видомъ еврейскомъ населеніи Западнаго края.

Александръ Николаевичъ въ гусарской формѣ (гр. Киселева)

Есть свидѣтельства, позволяющія думать, что съ годами инстинктивная сострадательность уступала мѣсто въ цесаревичѣ болѣе сознательному отношенію къ народнымъ бѣдствіямъ. Статистику и исторію Россіи преподавалъ Александру Николаевичу, со времени достиженія имъ четырнадцатилѣтняго возраста, К. П. Арсеньевъ, прпвлекавшійся, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, къ извѣстному дѣлу о „неблагонамѣренныхъ“ профессорахъ Петербургскаго университета и еще раньше, въ первомъ ученомъ трудѣ своемъ, выразившій, насколько это было возможно, нерасположеніе къ принудительному труду, т.-е. къ крѣпостному праву. Десять лѣтъ спустя послѣ окончанія занятій съ наследникомъ престола Арсеньевъ, посвящая ему свое новое сочиненіе („Статистическіе очерки Россіи“), вспомнилъ о томъ, съ какимъ участіемъ царственный его ученикъ „скорбѣлъ о разныхъ преградахъ къ свободному развитію новой, лучшей жизни для народа“¹⁾. Эти слова чрезвычайно цѣнны: они удостовѣряютъ, что мысль о несовершенствахъ русскаго общественнаго строя не была чужда будущему властителю Россіи въ ту пору жизни, когда кладется основа всего дальнѣйшаго развитія. Впечатлѣнія, испытанныя въ это время, могутъ быть ослаблены, затерты, изглажены другими, но рѣдко исчезаютъ всецѣло; достаточно иногда незначительнаго повода, чтобы оживить ихъ вновь, подобно тому, какъ воскресаютъ въ памяти забытые образы прошлаго. И весьма возможно, что среди лицъ, окружавшихъ наследника престола, Жуковский и Арсеньевъ не были единственными, обращавшими его вниманіе и обратную тѣневую сторону блестящей дѣйствительности. Благодаря этому, не совсѣмъ безслѣдно прошло для цесаревича первое путешествіе его по Россіи (въ 1837 году), несмотря на всю его быстроту и официальность. Мы знаемъ изъ „Былого и Думъ“, что въ связи съ проѣздомъ Александра Николаевича были раскрыты вопіющія злоупотребленія вятскаго губернатора Тюфиева, повлекшія за собою его отставку; мы знаемъ изъ того же источника, что ходатайству цесаревича, внушенному Жуковскимъ и Арсеньевымъ, Герценъ былъ обязанъ своимъ переводомъ изъ Вятки во Владимірѣ. Извѣстно также, что, посѣтивъ Тобольскъ, наследникъ престола обратился къ своему отцу съ просьбой о смягченіи участи политическихъ ссыльныхъ - декабристовъ.

О первыхъ годахъ государственной дѣятельности цесаревича мы знаемъ сравнительно меньше, чѣмъ о годахъ его ученья. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что рѣшительный перевѣсъ оставался въ это время за тѣми вліяніями, которыя отбрасывали его назадъ или мѣшали свободному развитію лучшихъ сторонъ его натуры. Все больше и больше, не смотря на изданіе Свода Законовъ, укоренялось въ то время всеобщее безправіе, все больше росла повсемѣстная

— — —

¹⁾ Это мѣсто посвященія вызвало неудовольствіе тайнаго цензурнаго комитета, учрежденнаго въ 1848 году, и было уничтожено въ большей части экземпляровъ.

продажность; все ниже, вмѣстѣ съ тѣмъ, падалъ уровень высшей администраціи. Среди ближайшихъ совѣтниковъ императора не было никого, кто могъ бы хоть сколько-нибудь замѣнить умершаго Сперанскаго. На мѣсто князя Васильчикова становится графъ Левашевъ, потомъ князь Чернышевъ, на мѣсто графа Толя—графъ Клейнмихель, на мѣсто Дашкова—графъ Панинъ, на мѣсто графа Канкринна—Вронченко, на мѣсто графа Уварова—князь Ширинскій-Шихматовъ. Никѣмъ не поддерживаемый, не могъ играть значительной роли послѣдній представитель лучшихъ сторонъ александровской эпохи, графъ Н. Д. Киселевъ. Не было вокругъ трона широко просвѣщенныхъ, самостоятельныхъ людей, у которыхъ могъ бы учиться будущій государь. Положеніе, которое Россія, особенно послѣ разгрома революціонныхъ движеній 1848 г. занимала среди европейскихъ государствъ, могло привести къ мысли, что и учиться нечему, что нужно только продолжать, безъ уклоненій и отступленій, столь удачно начатое дѣло. Вниманіе цесаревича неизбежно сосредоточивалось поэтому на обязанностяхъ лежавшихъ на немъ въ качествѣ командира войсковыхъ частей (сначала дивизіи, потомъ—гвардейской пѣхоты, наконецъ—корпусовъ гвардейскаго и гренадерскаго) и главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. На всѣхъ этихъ путяхъ онъ встрѣчалъ, притомъ, прочно утвердившіяся традиціи его предшественника великаго князя Михаила Павловича, отъ котораго къ нему переходили, какъ бы по наслѣдству, ближайшіе его помощники. Къ осмотру войскъ и крѣпостей сводились, главнымъ образомъ, и поездки по Россіи, въ которыхъ цесаревичъ сопровождалъ императора. Характернымъ памятникомъ настроенія, сложившагося подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ условій, является письмо, написанное цесаревичемъ 19 октября 1849 года бывшему его адъютанту, генералу Назимову, по случаю назначенія послѣдняго попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Александру Николаевичу не могло не быть извѣстно, что Назимовъ вовсе не подготовленъ къ занятію предоставленной ему должности и не имѣетъ ни одного изъ необходимыхъ для нея качествъ. И вотъ, однако, что мы читаемъ въ этомъ письмѣ: „мѣсто, которое вы будете занимать, весьма важное, въ особенности въ наше время, гдѣ молодежь воображаетъ, что она умнѣе всѣхъ и что все должно дѣлаться, какъ ей хочется, чему, къ несчастью, мы видимъ столько примѣровъ за границею, къ этому и гг. профессора команда нелегкая. Надзоръ за ними, и самый бдительный, необходимъ. Да внушить вамъ Господь Богъ

В. А. Жуковскій (съ графа Раїта).

силу и умѣнье исполнить новыя обязанности, на васъ возлагаемыя, съ успѣхомъ, т.-е. къ полному удовольствію государя. Перекрестясь, принимайтесь смѣло за дѣло“.

Къ тому же самому году, какъ и письмо Назимову, относится, однако, фактъ другого рода. Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось пререканіе, возникшее между министромъ внутреннихъ дѣлъ (графомъ Перовскимъ) и главноуправляющимъ путями сообщенія (графомъ Клейнмихелемъ) по поводу неспрошенія послѣднимъ Высочайшаго повелѣнія, существенно ограничивавшаго на нѣкоторое время сферу дѣйствій перваго. Государственный Совѣтъ, чтобы отдалить по возможности рѣшеніе щекотливаго вопроса, предполагалъ выждать окончанія срока, назначеннаго въ Высочайшемъ повелѣніи; но цесаревичъ, не возражая противъ этого по существу, предложилъ обратиться къ государю съ ходатайствомъ о подтвержденіи министрамъ и главноуправляющимъ, чтобы по дѣламъ, касающимся нѣсколькихъ вѣдомствъ, Высочайшія повелѣнія испрашивались не иначе, какъ по подлежащемъ между ними сношеніи и соглашеніи. По словамъ одного изъ присутствовавшихъ, барона М. А. Корфа, предложеніе цесаревича произвело „электрическое дѣйствіе“—онъ выразилъ то, что было въ мысли у многихъ, но чего никто, кромѣ именно его, не могъ и, можетъ-быть, не смѣлъ выговорить. Клейнмихель не нашелся сказать ни слова; между всѣми прочими членами пробѣгалъ общій шопотъ одобренія. Цесаревичъ понималъ, очевидно, весь вредъ одностороннихъ докладовъ, уничтожающихъ даже и тѣ немногія, слабыя гарантіи, какія представляетъ коллегіальное разсмотрѣніе дѣла; онъ понималъ, что всего опаснѣе они именно тогда, когда идутъ отъ людей, пользующихся особымъ расположеніемъ монарха¹. Весьма можетъ быть, что ему были ясны и многіе другіе недостатки господствовавшихъ порядковъ; но и ему тяжело давалось сколько-нибудь рѣшительное ихъ осужденіе. До какой степени ревниво Николай Павловичъ охранялъ престижъ своей власти, видно, между прочимъ, изъ того, что, согласясь съ мнѣніемъ цесаревича по существу, онъ приказалъ не вносить его въ журналъ Государственнаго Совѣта, а облечь его въ форму повелѣнія, непосредственно даннаго государемъ. Неудивительно, что, предсѣдательствуя въ секретныхъ комитетахъ „по улучшенію участи крѣпостныхъ крестьянъ“, наследникъ престола не шелъ дальше полумѣръ, ничего не разрѣшавшихъ и даже мало что подготовлявшихъ. Ничего другого не хотѣлъ самъ императоръ—и этимъ предопредѣлялся образъ дѣйствій цесаревича, каково бы ни было личное его мнѣніе о роковомъ вопросѣ. О сущности этого мнѣнія возможны только догадки; всего вѣроятнѣе, что искреннее желаніе облегчить тяготу, лежащую на народѣ, боролось въ цесаревичѣ съ опасеніемъ послѣдствій рискованнаго шага. Обостренію боязни способствовали, безъ сомнѣнія, событія конца сороковыхъ годовъ. Противоположное дѣйствіе оказалъ лишь бѣдственный для Россіи ходъ восточной войны, обнаружившій еще

при жизни Николая Павловича всю громадность контраста между видимой силой и реальной слабостью русского государства.

Когда Александр Николаевичъ былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, воспитатель его Мердеръ считалъ наиболѣе слабой его стороной „склонность, приводившую его, при встрѣчѣ малѣйшей трудности, малѣйшаго препятствія, въ нѣкоторый родъ усыпленія и бездѣйствія“. Нѣсколько позже Жуковскій

Охота. (Изъ коронац. альбома Александра II).

находилъ въ немъ отсутствіе выдержки и энергіи, расположеніе къ вялости, къ апатіи. Въ связи съ этимъ, еще въ ранней юности, ему случалось выражать сожалѣніе о томъ, что ему предстоитъ тяжелая задача управленія государствомъ. Слѣды грусти замѣчались въ немъ даже въ счастливѣйшія минуты его жизни. Съ теченіемъ времени его воля окрѣпла, но недостатокъ рѣшительности исчезъ въ немъ не совсѣмъ; не прекратилась и вокругъ него борьба различныхъ, отчасти противоположныхъ вліяній. Все это стало особенно за-

мѣтно послѣ вступленія его на престолъ. Горькій опытъ говорилъ все яснѣе и яснѣе за необходимость разрыва съ системой, завѣщанной императоромъ Николаемъ; но до крайности труднымъ казался первый шагъ. тѣмъ болѣе, что онъ неизбежно долженъ былъ коснуться самаго сложнаго и „страшнаго“ изъ всѣхъ вопросовъ—вопроса о крѣпостномъ правѣ. Едва ли правы были тѣ, кто видѣлъ въ увольненіи министра внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибикова, признакъ, благопріятный для крѣпостниковъ: инвентаріи, введенныя Бибиковымъ въ бытность его генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края и отмѣненныя въ самомъ началѣ новаго царствованія, были мало подходящимъ путемъ къ упраздненію крѣпостного права, да и нерасположеніе Александра Николаевича къ удаленному имъ министру имѣло скорѣе личный, чѣмъ принципиальный характеръ. Съ бѣльшимъ основаніемъ можно было считать зловѣщими слова новаго министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского: „Государь повелѣлъ мнѣ не нарушить охранять права, вѣщепосланными его предками дарованныя дворянству“. Такимъ правомъ, и притомъ особенно цѣннымъ въ глазахъ большинства дворянъ, было именно право владѣть крѣпостными людьми. Вскорѣ, однако, оказалось, что расположеніе государя къ дворянству не доходило до готовности сохранить неприкосновенною худшую изъ его привилегій. Рѣчь, съ которою императоръ обратился 30 марта 1856 года къ представителямъ московскаго дворянства, должна была, повидимому, положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ по этому предмету. „Существующій порядокъ владѣнія душами,—сказалъ государь,—не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучшее начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу“. Просьба государя „обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе“, мало подѣйствовала на его слушателей и на тѣхъ, кому они, согласно его приказанію, передали его слова. Изъ всей рѣчи они запомнили только, что государь не имѣетъ намѣренія „сдѣлать это сейчасъ“. Остерочка на неопредѣленное время казалась равносильной отказу отъ самой мысли о реформѣ,—отказу, столько разъ повторившемуся и при Александрѣ I, и при Николаѣ I. Ни къ чему не привели поэтому переговоры С. С. Ланского съ дворянами разныхъ губерній; ни къ чему не привела вѣсть объ учрежденіи негласнаго комитета, и по составу своему, и по настроенію мало чѣмъ отличавшагося отъ прежнихъ. Розовыя надежды крѣпостниковъ не оправдались: именно въ это время для государя стала ясною необходимостью, настоятельная необходимость рѣшительнаго шага. „Крестыяпскій вопросъ,—сказалъ онъ лѣтомъ 1857 года графу П. Д. Киселеву,—меня постоянно занимаетъ. Надо довести его до конца. Я болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился и ничего не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ“. Колебаніямъ, однако, не настаетъ конецъ: измѣняется только кругъ, въ которомъ они происходятъ. Прежде рѣчь шла о томъ, приступить ли къ дѣлу; теперь ставится вопросъ, какъ вести его и къ какимъ результатамъ. Между

Императоръ Александръ II.

(Портретъ Галкина)

